

ПРОСТРАНСТВО В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Центральная Азия – огромный, исторически сложившийся культурно-этнический ареал, охватывающий территорию современного Казахстана, Средней Азии, Ирана, Афганистана, Пакистана, часть Северной Индии, Монголии и Китая. Значительную часть этой территории занимают обширные степные просторы, названные Великой степью. «Именно здесь, в степях Причерноморья и Приазовья, Поволжья и Алтая, Средней Азии и Казахстана, Южной Сибири и Монголии, Восточного Туркестана и предгорий Тибета, расселялись гунны, печенеги, половцы и другие кочевые предки воинственных тюркских и монгольских народов. Отсюда они совершали свои далекие походы, воевали, организовывали мощные союзы и государства, формировали свою самобытную культуру и быт, обменивались материальными и культурными ценностями» [1, 60]. С Центральной Азией связаны судьбы таких крупных этнических образований как индоиранцы, тюрки, монголы. Обитатели бескрайних степей Центральной Азии тысячелетиями создавали и шлифовали самобытную, многогранную культуру. Средневековая фреска Согдианы (росписи дворца в Афрасиабе, в домах Пенджикента), архитектура Парфии (дворцы и храмы Старой и Новой Нисы), монументальная скульптура Кушанского государства (храм в Сурхкотале, дворцово-династийная скульптура дворца в Халчаяне на берегу Сурхандарьи), дворцы и погребальные сооружения Хорезма («священный дворец» шахиншахов Хорезма Топрак-кала), скальные храмы Персии, бактрийские сосуды и изделия из золота, мраморные изваяния Прикаспия, ювелирное искусство скифов – с этими произведениями искусства связана жизнь предков народов, живущих сегодня на территории Центральной Азии. Единство этого мира подтверждает общая мифология, наличие общего миропонимания, определившего представления о жизни людей, их культуру и искусство. Материальные остатки и артефакты культуры древних государств, художественные тексты, как древние, так и современные, фольклор и мифология – все это вкуче является благодатным источником для исследования картины мира народов, проживающих на территории Центральной Азии.

В конце XX столетия филологическая наука переориентировалась с изучения вопросов структуры и семантики на исследование вопросов ментальности. Одним из актуальных направлений исследования стало изучение концептов, участвующих в формировании концептуальной картины мира. Термин «концепт», пришедший из логики и философии, прочно закрепился в филологии. Несмотря на множественность определений и неоднозначность термина «концепт», ученые единодушно отмечают его принадлежность ментальной сфере. Они полагают, что он включает в себя знания человека о мире, и окружен «эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [2, 38].

Будучи результатом мыслительной деятельности человека, «концепт вбирает в себя обобщенное содержание множества форм выражения в естественном языке, а также в тех сферах человеческой жизни, которые предопределены языком и немыслимы без него, это результат соединения словарного знания слова с личным и этническим опытом человека» [2, 48]. С термином концепт тесно связан другой термин когнитивной науки – «национальный концепт». Как известно, духовная культура народа складывается из оперирования концептами. Мировидение народа – это национальная концептуальная система, то особенное, неповторимое, что отличают культуру одного этноса от культуры другого. «Национальный концепт – самая общая, максимально абстрагирована, но конкретно репрезентируемая идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [3, 130].

В процессе жизни человек приобретает опыт, накапливает представления об устройстве мира, о реальной действительности, вся информация трансформируется в ментальные «сгустки» – концепты. Связываясь между собой, они образуют концептуальную систему или концептуальную картину мира. Термин «картина мира» появился в конце XIX – начале XX века в физике. С 60-х годов XX века термин стал употребляться в семиотике в связи с изучением первичных моделирующих систем (языка) и вторичных моделирующих систем (мифа, религии, кино, живописи, архитектуры, фольклора, поэзии, прозы и т.д.). В лингвистике появление этого термина было связано с необходимостью реконструкции семантики древних текстов.

В филологии под «картиной мира» понимается целостный образ мира, который является результатом всей духовной жизни человека и вырабатывается на протяжении всей его жизни и всех контактов с миром. В формировании картины мира принимают участие разные стороны психической деятельности человека, начиная с ощущений, восприятий, представлений и заканчивая мышлением. «Как и всякое образование, относящееся к классу идеального, картина мира имеет двойственное существование – необъективированное (точнее, полуобъективированное), как неопредмеченный элемент сознания и жизнедеятельности человека, и объективированное в виде опредмеченных образований – различных «следов» случайных или намеренных, оставляемых человеком в процессе жизнедеятельности. «Отпечатки» картины мира, ее окаменелости можно обнаружить в языке, в текстах, в культовом и светском изобразительном искусстве и музыке, вещах, модах, способах ведения хозяйства, технологии вещей, социокультурных стереотипах поведения людей» [4, 21].

В современной филологической науке принято разграничивать понятия «концептуальная картина мира» и «языковая картина мира». Под концептуальной картиной мира понимается совокупность концептов, объединенных в единую концептуальную систему и детерминированных логикой окружающего объективного мира и законами человеческого мышления. Концепты, таким образом, являются идеальными образованиями, абстракциями довольно высокого уровня и значительной степени

обобщенности и возникают как знание об окружающем мире. Но, так как человек постоянно получает информацию извне, то под влиянием этой изменяющейся информации об окружающей действительности концептуальная картина мира постоянно изменяется, динамически преобразуется. Языковая картина мира непосредственно связана с концептуальной картиной. В самом общем виде эта связь проявляется в означивании языком отдельных элементов концептуальной картины мира. Однако «не все, воспринятое и познанное человеком, не все, прошедшее и проходящее через разные органы чувств и поступающие извне по разным каналам в голову человека имеет или приобретает вербальную форму. Не все отражается с помощью языка и не вся информация, поступающая извне, должна быть пропущена через языковые формы» [5, 142]. Та же часть информации, которая зафиксировалась в языковой форме, «...та часть концептуального мира человека, которая имеет «привязку» к языку и преломлена через языковые формы» [5, 142] и образует языковую картину мира. Совокупность знаний, запечатленных в языковой форме, получила название языковая картина мира. Следует отметить, что не вся концептуальная информация репрезентирована языковыми средствами, часть информации может быть представлена ментальными репрезентантами другого типа – образами, картинками, схемами и др.

В концептуальной картине мира взаимодействуют общечеловеческое, национальное и личностное. Концепт представляет «многомерное» образование, в котором «можно выделить как рациональное, так и эмоциональное, как абстрактное, так и конкретное, как универсальное, так и этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное» [2, 48].

Важнейшими концептами культуры являются «Время» и «Пространство». «Время организует события, пространство – предметы. Между событиями существуют отношения последовательности, между предметами – взаимного расположения» [6, 368]. Т.В. Топорова, рассматривая древнеисландскую модель мира, писала: «Категории пространства и времени благодаря свойственным им универсальности и всеобъемлющему характеру формируют пределы, в которых разворачивается человеческая жизнь, тем самым они определяют все остальные категории, связанные с антропоцентрической сферой: судьбу, право, социальное устройство» [7, 12]. Эти концепты формируют концептосферы разных народов, однако их содержание различается. Обратимся к концепту «Пространство» в картине мира народов Центральной Азии.

Ученые-когнитологи полагают, что «...люди осознают пространство не через систему координат, а скорее через отношения, существующие между объектами в пространстве» [2, 95]. В связи с этим для начала необходимо определить объекты пространства, характерные для картины мира кочевников. Как известно важнейшими объектами ландшафта Центральной Азии являются беспредельная степь, переходящая в полупустыню и пустыню, и преграждающие их горы, озера, деревья. Черты такого ландшафта можно встретить и в народных казахских, туркменских, узбекских, киргизских сказках, и в сказках «Тысячи и одной ночи», и в арабо-персидской поэзии, и в иранской

миниатюре. О чем бы в них ни говорилось: о городе падишаха или о какой-нибудь вымышленной стране, куда бы героя не забросила судьба, – всюду неизменно будет присутствовать упоминание о жаркой пустыне, о безлюдных степях, о высоких горах, об одиноко стоящих высоких деревьях (чаще всего упоминаются тополь и чинара), о колодцах и водоемах. Например: «Ехать Ер-Тостику предстояло шесть месяцев. Дорога шла через непроходимые мертвые *пустыни*. Даже орлы здесь опасались летать. Все проводники погибли в пути. Умерла и дочь Баны-хана. В живых осталась только ее рабыня Кункеней. Миновали путешественники *пустыню*. Едут *степью* и подъезжают к *роднику*. Возле него росло *дерево*» [8, 30]. Встречается описание такого ландшафта и в эпических произведениях, например, в знаменитой книге Фирдоуси «Шахнаме». Шестой подвиг царевича Исфандиара «Переход через снега» предваряется описанием пустыни.

Степь, пустыня и одиночное дерево. Дерево в пустыне под палящими лучами солнца – оазис. Под деревом источник: родник, ручей или колодец. В тени дерева можно отдохнуть, предаться неге. Где-то за горизонтом гора и озеро, в котором отражается вечное небо и вольная птица – таковы топографические черты вселенной народов Центральной Азии.

Итак, образ пространства в литературе Центральной Азии «стереоскопичен». Бескрайний простор степи или пустыни, схематично может быть представлен как горизонтальная линия, эта горизонталь пересекается возвышающейся горой, деревом, юртой, возле этих объектов расположено озеро или родник.

Степь – открытое пространство, открытое для ветра, зноя, для друга и для врага, она не имеет границ, уходит за горизонт и сливается там с вечным божественным небом. Безграничность степного пространства почувствовал Чингиз Айтматов и тонко передал через антонимическую пару «высокое-высокое, огромная-огромная / маленьким-маленьким» [9, 181] в повести «Верблюжий глаз»: «Надо мною было *высокое-высокое небо*, вокруг расстилалась *огромная-огромная земля*, и сам я показался себе *маленьким-маленьким*, одиноким, забредшим сюда невесть откуда *человечком...*» [9, 181]. Нанизывая глаголы со значением движения «мчалась, нес, гнались, уходил, неслась, рассыпались, шли», писатель подчеркивает необъятность степи Анархай: «...вот он, древний легендарный Анархай! Машина *мчалась* по едва приметной дороге, затерявшейся среди чуть всхолмленной зеленеющей *степи*, слегка подернутой вдали голубоватым туманом. Земля еще дышала талым снегом... Встречный ветер *нес* с собою звенящее звучание *степного простора* и весенней чистоты. Мы *гнались* за горизонтом, а он все *уходил* от нас по мягким, размытым гребням далеких увалов, открывая за буграм все новые и новые анархайские дали. И чудилось мне, что слышу я голоса минувших времен. Содрогалась, гудела земля от топота тысяч копыт. Океанской волной, с диким гиканьем и ревом *неслась* конница кочевников с пиками и знаменами наперевес. Перед моими глазами проходили страшные побоища. Звенел металл, кричали люди, грызлись, били копытами кони... Но утихали бои, и тогда *рассыпались* по весеннему Анархаю белые *юрты*, над стойбищами курился

кизячий дымок, паслись вокруг отары овец и табуны лошадей, под звон колокольцев *или* караваны верблюдов, *неведомо откуда и неведомо куда...*» [9, 174].

На фоне безграничного открытого пространства выделяются вертикальные объекты, человек фиксирует и одинокое дерево, и прижавшиеся друг к другу юрты, и возвышающуюся вдали гору. Горизонтальное членение мира (восток–запад, левое–правое, близкое–далекое) связано с вертикальным членением (низ–верх, подземный мир–земной мир–небесный мир) и образует «стереоскопическое» единство.

Российские ученые Т.В. Топорова, В.А. Маслова, исследовавшие русскую концептосферу, говорят о мифологизированности категорий времени и пространства. Это утверждение справедливо и по отношению к тюркской концептосфере. В основе, как мы его условно назвали «стереоскопического» образа пространства, лежит хорошо известный народам Центральной Азии космогонический миф о Мировом Древе. В тюркской мифологии это дерево именуется Байтерек. Байтерек – ось мира, соединяющая нижнее подземное царство, средний земной мир людей и верхнее небесное царство Тенгри. «Священное дерево называлось тур-тур и было символом пути из мира людей в мир богов... Великий Байтерек растет на первозданной мировой горе – Коктобе. Великая гора находится на Алтае. Поэтому тюрки поклоняются горам, рекам и деревьям, которые напоминают им Байтерек, Великую гору и священную реку» [10, 17].

Пространственная модель мира кочевых тюркоязычных народов Центральной Азии может быть описана через основные космогонические объекты, соотносимые с его центром – Мировой горой, Мировым деревом, образующими вертикаль. Вертикальная структура мира предполагает наличие середины, верха и низа, которые соотносятся с различными классами явлений, как природных, так и социальных. Верх — это крона дерева, небо, светила, вершина горы, исток реки, птицы, верхний мир. Низ — корни дерева, пещера, ущелье, вода, животные, обитающие в норах, и рогатые животные, нижний мир. Середина — ствол дерева, долина, человек. По отношению к человеку пространство делится на дальнее, связанное с ландшафтом, например, небо, гора, озеро и ближнее, связанное с местом обитания, например, юрта.

Литература:

1. Пюрвеев Д.Б. Летящие кони солнечных дорог // Искусство стран Востока. Под ред. Р.С. Васильевского. – М.: Просвещение, 1986, С. 60-93.
2. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. Учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2004.
3. Красных В.В. От концепта к тексту и обратно // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1998. – №1.
4. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. С 12–109.

5. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др.– М.: Наука, 1988, С.143-169.
6. Арутюнова Н.Д. Два эскиза к «геометрии» Достоевского / Логический анализ языка. Языки пространств. Под ред. Н.Д. Арутюновой, И.Б. Левонтиной. – М. 2000.
7. Топорова Т.В. Об архетипе «воды» в древнегреческой космогонии // Вопросы языкознания. – 1996. –№6.
8. Казахские народные сказки. Сост. Т. Дауренбеков. Пер. с каз.– Алма-Ата: Жалын, 1979.
9. Айтматов Ч.Т. Ранние журавли: Повести – Алма-Ата: Жазушы, 1988.
10. Бисембаев А.К. Мифы древних тюрков.– Алматы, 2007.